

ПОЧЕМУ ЛИШНИЕ ЛЮДИ НЕ УХОДЯТ ИЗ НАУКИ?

Ю.М. Плюснин

Введение

Вынесенный в заглавие статьи вопрос в действительности подразумевает и состоит из нескольких вопросов: *Есть ли в науке лишние люди? Каковы основания и критерии их обнаружения? Действительно ли «лишние люди» продолжают оставаться в науке? И, наконец, Почему они не уходят из неё?* Моя задача – в этой небольшой статье попытаться ответить на них.

Первый из этих вопросов представляется тривиальным, поскольку очевидно, что в любой профессиональной среде существует категория работников, занимающих периферийное положение по своим квалификационным и профессиональным признакам. Обычно они относятся (другими членами профессионального сообщества или внешними «экспертами») к лишним для профессионального сообщества людям. Но вопрос состоит не в том, что их кто-то относит к разряду *лишних*, а в том, считают ли они сами себя таковыми, независимо от реального квалификационного уровня. Если в последнем случае ответ положительный, тогда налицо феномен, который я и называю «*лишними людьми*». Проблема «*лишних людей*» в науке, рассматриваемая не на бытовом уровне (хотя бы она и обсуждалась учёными), а эксплицированная как результат эмпирических социально-психологических исследований, была поставлена и рассмотрена мной в недавней статье 1999 года [1]. В этой работе феномен «*лишних людей*» фиксировался на основании применения процедур многомерного статистического анализа к совокупности ответов академических учёных на вопросы социологической анкеты. Ответы были получены не на прямые, а на косвенные вопросы, выявлявшие социально-психологические причины сохранения учёными верности науке в тяжелых для неё условиях периода 1992-1996 годов. Это позволило зафиксировать в научном сообществе категорию учёных, которые вполне осознают своё периферийное положение в науке, сами себя считают лишними людьми в ней, не только по профессиональным, но и по психологическим критериям. Это категория учёных, которые не хотели бы продолжать работать в сфере академической науки, но остаются в ней, оправдывая такое поведение комплексом причин: потому, что не могут найти лучшего места, боятся потерять работу и стать безработными, вынуждены работать в силу материальной необходимости и/или просто привычки. Иные соображения и ценностные установки не имеют для них важного значения: они не считают, что их профессиональная деятельность приносит пользу обществу или науке, сама работа не является любимой и сохранение верности ей не связано с надеждами на возврат прежнего высокого статуса науки и учёного в обществе.

Таким образом, на первые два из четырёх вопросов, поставленных в начале работы, были даны эмпирически и статистически обоснованные ответы в предыдущей моей статье. В этой работе я намерен только подкрепить полученные ранее выводы лишь новыми социологическими данными на более широком материале.

Третий вопрос – *продолжают ли «лишние люди» оставаться в академической науке?* – предполагает продолжительные исследования этого феномена. Сейчас мы располагаем эмпирическими данными трёх социологических опросов сообществ академических учёных, охватывающих период времени длительностью всего в пять лет, с 1996 по 2000 г. включительно [2]. Это, однако, весь тот период, в течение которого феномен лишних людей и исследуется. Ответ и на этот вопрос будет положительным.

Наконец, последний и главный вопрос – *почему «лишние люди», несмотря ни на что, не покидают науку?* – предполагает выдвижение неких гипотез, лишь ограниченно обоснованных с помощью формального и концептуального (качественного) анализа социологических данных. Соответственно, такие гипотезы отчасти приобретают значение

прогнозов относительно возможных путей развития академического научного сообщества. Я надеюсь, что выдвинутые здесь умозрительные соображения будут восприняты как достаточно основательные и предполагающие соответствующих действий по социальному проектированию в сфере научной политики.

Материал и методы исследования

Данная работа, как и предыдущая, посвященная этой теме, где, в частности, описан формальный метод выделения кластеров «лишних» и «своих людей» в науке [1], основана на эмпирическом (с помощью анкетного опроса) изучении академического научного сообщества – учёных, работающих в институтах РАН. Исследование 1996 г., осуществленное при финансовой поддержке мэрии г. Новосибирска и Президиума СО РАН, охватило 565 научных сотрудников новосибирского Академгородка (10 % генеральной совокупности). Повторное исследование 1999 г. проведено в том же самом сообществе учёных, выборка составила 414 человек (8 %). (Это исследование выполнялось при финансовой поддержке РГНФ по гранту № 97-03-04411). Третье исследование, при финансовой поддержке ИНТАС-РФФИ (грант № ИР-97-2043), проведено спустя всего один год, в 2000 г., но выборка была составлена из представителей трёх академических сообществ: Хабаровска, Новосибирска и Санкт-Петербурга. Общая численность опрошенных составила 479 человек (пропорциональная 5 -процентная выборка).

Как и в работе [1], две группы учёных – так называемые «лишние люди» и «свои люди», – выделялись по критериям социально-профессиональных ценностных ориентаций на науку на основе анализа структуры ответов на один из вопросов социологической анкеты с помощью формальных статистических методов (кластерный анализ и сравнение подвыборок по всей совокупности признаков). Вопрос сформулирован следующим образом: *«Положение в науке, как известно, сейчас довольно сложное. Что в наибольшей степени заставляет Вас сегодня сохранять верность науке и продолжать работать в институте? Попробуйте, пожалуйста, оценить степень влияния каждого из перечисленных ниже факторов»*. Далее приводились фиксированные варианты ответов, которые респондент должен был ранжировать по значимости на шкале от 1 (минимальное значение) до 5 (максимальное значение). Анализ распределения всех семи предложенных исследователями вариантов ответов выявляет два отчётливо дифференцированных (значимо удалённых в многомерном пространстве) кластера, которые не вызывают затруднения при интерпретации (все три выборки 1996, 1999 и 2000 гг. дали одинаковую статистическую картину).

Кластеры характеризуют две полярные по своим социально-профессиональным ценностным установкам выборочные подгруппы учёных. Одна из этих подгрупп – «свои люди» – в качестве важнейших мотивов сохранения верности науке указывает (1) *«надежду на позитивные изменения»*, (2) *«стремление быть нужным, полезным обществу»* и (3) *«мне нравится моя профессия, работа»*. Наоборот, остальные четыре мотива, вынуждающие учёного сохранять верность науке, для респондентов этой подгруппы несущественны. Полярная по своим установкам подгруппа респондентов – «лишние люди» – это учёные, для которых имеет существенное значение для работы иная совокупность мотивов: (4) *«материальная необходимость»*, (5) *«привычка, сложность смены образа жизни»*, (6) *«невозможность найти лучшего места»* и (7) *«боязнь остаться без работы»*.

Выделенные кластеры проверялись на устойчивость, затем внутри каждого кластера выделялись «ядро» (по критериям высоких – 3, 4 и 5 баллов – оценок по всей совокупности позитивных диагностических ответов, разных для каждого кластера) и «периферия» (если хотя бы два из трёх или четырёх позитивных диагностических ответов

имел оценку 3 балла). Далее представители двух дифференцированных таким образом кластеров сравнивались между собой по всем остальным вопросам социологической анкеты.

Результаты

Анализ данных, полученных в опросах 1999 года в Новосибирском научном центре и в 2000 году одновременно в трёх научных центрах – Хабаровском, Новосибирском и Санкт-Петербургском, – показал, что выделенная в новосибирской выборке 1996 года подгруппа учёных, диагностируемая по совокупности социально-профессиональных установок как «лишние люди», выделяется и в двух этих последних выборках. Даже вид корреляционных кластеров остается почти идентичным. В табл. 1 приведена матрица интеркорреляций по результатам всех трёх исследований. Все статистически значимые связи, как между отдельными признаками, так и между группами признаков сохраняются. Естественно, что теснота связи изменяется от выборки к выборке, но показательно, что наиболее важные корреляционные связи между отдельными парами мотивов остаются. Так, коэффициенты корреляции в группе мотивов, дифференцирующих «своих людей» (1, 2, 3 признака в табл. 1), изменяются в интервале от 0,12 до 0,26 (при соответствующей численности выборок они отражают статистически значимую связь между признаками с достоверностью $P > 0,99-0,999$). Ещё более тесная связь существует между мотивационными признаками, которые дифференцируют «лишних людей» (4, 5, 6, 7 признаки в табл. 1). По значениям парных коэффициентов корреляции, особенно между мотивами страха потерять работу и невозможности найти лучшего места, эта группа представляется очень компактной. По сути, все четыре мотива имеют для «лишних людей» одинаково важное значение – и все они не относятся к профессиональной научной деятельности.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций диагностических факторов, указываемых в качестве причин сохранения учёными верности науке. Представлены данные, полученные в трёх последовательных опросах

	Год опроса	2. Стремление быть полезным обществу	3. Нравится работа и профессия	4. Материальная необходимость	5. Привычка, сложно сменить образ жизни	6. Не могу найти лучшего места	7. Боюсь остаться без работы
1. Надежда на позитивные изменения	1996	0,228	0,118	0,001	-0,106	-0,115	-0,121
	1999	0,259	0,173	0,082	0,017	-0,012	0,021
	2000	0,154	0,179	0,058	-0,124	-0,112	-0,031
2. Стремление быть полезным обществу	1996		0,166	0,113	0,035	-0,130	-0,011
	1999		0,238	0,048	0,140	0,041	-0,006
	2000		0,210	0,156	0,034	-0,109	0,012
3. Нравится работа и профессия	1996			0,003	-0,098	-0,292	-0,167
	1999			0,051	-0,006	-0,193	-0,223
	2000			0,088	0,002	-0,247	-0,184
4. Материальная необходимость	1996				0,342	0,209	0,336
	1999				0,236	0,121	0,256
	2000				0,294	0,171	0,340
5. Привычка, сложно сменить образ жизни	1996					0,224	0,294
	1999					0,179	0,245
	2000					0,266	0,284
6. Не могу найти лучшего места	1996						0,459
	1999						0,594
	2000						0,538

Примечание: приведены парные коэффициенты корреляции Пирсона; численность выборок: 1996 г. = (507 < N < 535), 1999 = (361 < N < 390), 2000 = (431 < N < 464); уровень значимости для всех выборок - $p < 0,01$ при $(-0,120 < r > 0,120)$, $p < 0,001$ при $(-0,200 < r > 0,200)$.

Ожидалось, что данные, полученные на выборах исследователей из Санкт-Петербурга и Хабаровска, внесут какие-то, может быть, существенные коррективы в картину, зафиксированную в Новосибирске. Оказалось, однако, что картина несколько не меняется и не зависит от места исследования. Во всех трёх научных центрах структура социально-профессиональных установок академических учёных по выделенной совокупности мотивов практически одинакова. В табл. 2 приведено частотное распределение исследователей с разными социально-профессиональными установками в трёх академических центрах страны. Вызывает даже удивление такое сходство, а не только сопоставимость распределений, хотя абсолютные численности некоторых подгрупп невелики.

Табл. 2

Как отмечалось и в исследовании 1996 года, распределения учёных двух полярных подгрупп по половозрастным и социально-профессиональным признакам в 1999 и 2000 гг. взаимно не различаются. Нет и временных изменений, за исключением одного признака: в подгруппе «лишних людей» увеличена доля исследователей-женщин (см. табл. 3). Практически нельзя говорить о каких-то трендах или статистических различиях между «лишними» и «своими» людьми по научным должностям. Видимые различия по административным должностям есть, но они невелики и статистически значимы на невысоком уровне $\alpha = 0,05$ только в 1996 г. по критерию $\chi^2 = 6,52$, $v=2$ (в двух других случаях незначимы, например, для выборки 1999 г. $\chi^2 = 1,67$). Различий же в распределении учёных из группы «своих» и «лишних людей» по научным степеням нет совсем.

Несколько странным выглядит ситуация, когда учёные, внутренне уверенные в том, что они находятся на периферии науки, сознавая, что они здесь «лишние люди», не только продолжают оставаться в ней, но активно участвуют в административном, профессиональном и квалификационном росте. Об этом свидетельствует факт отсутствия значительных различий по соответствующим показателям между подгруппами «лишних» и «своих людей» в течение всего пятилетнего периода.

Таблица 2

Распределение численности и доли в выборках представителей «своих людей» и «лишних людей» в трёх академических научных центрах России в 2000 г.

Научные центры	Вся выборка		Выборка «своих людей»		Выборка «лишних людей»	
	N	%	N	%	N	%
Новосибирск	278	58,0	117	56,0	37	56,9
Санкт-Петербург	131	27,3	57	27,3	18	27,7
Хабаровск	70	14,6	35	16,7	10	15,4
Вся выборка	479	100	209	100	65	100

Наиболее важным зафиксированным эмпирическим результатом представляется мне отсутствие значительных временных изменений не только в составе, но и в численности групп учёных с полярными социально-профессиональными установками. В табл. 4 приведены значения численности двух полярных групп, с выделением в каждой из них «ядра» и «периферии». За пятилетний период не наблюдается никакой выраженной динамики в численности кластера «лишних людей».

В кластере «своих людей» наблюдаются колебания численности, статистически значимые, особенно в абсолютной и парциальной численности «ядра» («ядерная» группа сначала возросла в относительной численности на 20%, но в выборке 2000 г. численность её

сократилась в 1,7 раза; относительная доля «ядра» составляла 76-79 % в 1996-99 гг. и сократилась до 59 % в 2000 г.). В силу того, что нет однонаправленного временного тренда численности кластера «своих людей», к тому же сам интервал времени невелик, нельзя уверенно говорить о снижении доли «своих людей» в академическом сообществе. Хотя внешне картина выглядит так, но эти изменения неопределенны и, по-видимому, нестабильны.

Таблица 3

Распределение выборок «своих людей» и «лишних людей» по половозрастным и профессиональным показателям в опросах 1996, 1999 и 2000 годов

Показатель	Составляющие показателя	Выборка «своих людей»			Выборка «лишних людей»		
		1996	1999	2000	1996	1999	2000
Соотношение по полу, %	Мужчины -	75	71	71	65	65	56
	Женщины	25	29	29	35	35	44
Возраст	Среднее число лет	43	44	45	43	45	45
Распределение по научным должностям, %	Мнс	18	17	17	17	18	18
	Нс	23	26	22	33	20	22
	Снс	42	38	37	40	40	39
	Внс	11	12	17	7	18	16
	Гнс, чл.-корр., акад.	7	8	8	4	4	4
Распределение по административным должностям, %	Нет должности	77	81	80	90	95	86
	Зав.лаб, сектором	19	11	15	9	5	12
	Зав.отделом, уч.секр.	2	4	1	0	0	0
	Зам.дир., директор	3	4	4	1	0	2
Распределение по научным степеням, %	Без ученой степени	32	36	27	36	40	26
	Кандидат наук	51	45	52	51	43	60
	Доктор наук	17	19	21	13	17	14

Примечания:

Данные приведены по «ядру» выборок, т.е. все значения оценок по всей совокупности диагностических ответов, разных для каждого кластера составляли ≥ 3 балла, без учёта «периферийной» части групп.

Округление значений произведено с точностью до процента, поэтому сумма по столбцу не всегда может составлять ровно 100%.

В той же табл. 4 приведены значения евклидова расстояния (d) между центральными подгруппами («ядрами») кластеров «своих» и «лишних людей», рассчитанного по совокупности семи диагностических признаков. Очевидно (исходя из принципов выделения кластеров), что дистанция между кластерами статистически велика. Статистически значимые различия фиксируются при $d \geq 3,0$ (исходя из допущения, что по каждому из 7 признаков различия между выборочными средними $\geq 1,0$).

Показательно при этом, что расстояние между «своими» и лишними людьми» остается почти одним и тем же в течение всего периода наблюдений.

В более обозримом и детализированном виде расстояние между кластерами представлено на рисунке. В качестве системы координат здесь использованы обобщенные ранги «приверженности» науке: шкала оси ординат образована усредненной совокупностью признаков (1) – (3), шкала оси абсцисс – (4) – (7). Обратим внимание на следующие моменты.

Самое общее впечатление: картины распределений в разные годы похожи. «Ядро» группы «своих людей» сократилось в численности существенно больше, чем соответствующее «ядро» в группе «лишних людей». Эта последняя по составу и по численности практически не изменилась. Однако, если кластер «своих людей» занимает в системе координат социально-профессиональных установок постоянно одну и ту же область (выраженная ориентация на идеальную приверженность науке и отчётливое «пренебрежение» привходящими, в основном материальными, причинами, отрицание их значимости), то кластер «лишних людей» ненаправленно смещается – флуктуирует – в области социально-профессиональных установок. Эта флуктуация обусловлена как (в меньшей степени) изменением приверженности материальным и рутинным причинам сохранения верности науке, так и, в большей степени, выраженностью идеальных установок (пользы и социальной значимости научной деятельности).

Таким образом, подгруппа учёных, принадлежащих к «своим людям в науке», стабильна по социально-профессиональным установкам, но изменчива в своей численности. Подгруппа «лишних людей», наоборот, стабильна в численности, но не столь стабильна по установкам (хотя, конечно, флуктуации эти невелики).

Таблица 4

Изменения численности кластеров учёных по диагностическим показателям социально-профессиональных ценностных установок в 1996-2000 гг. (в округленных процентах)

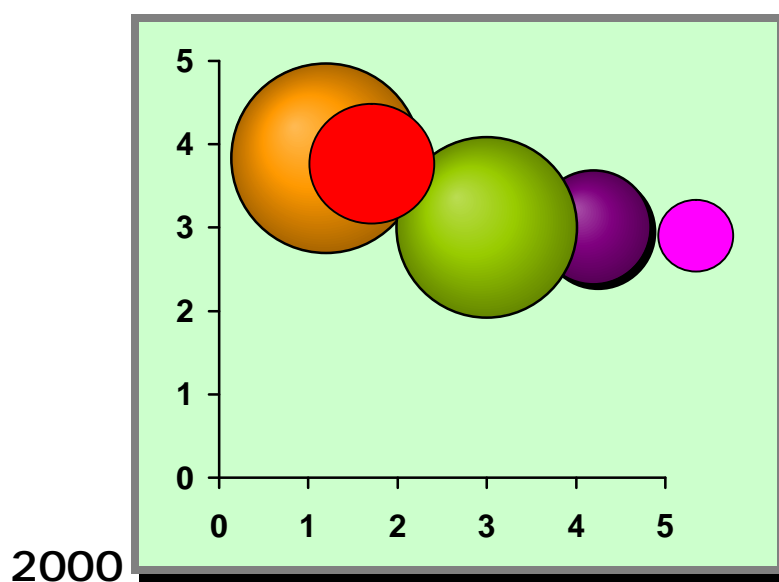
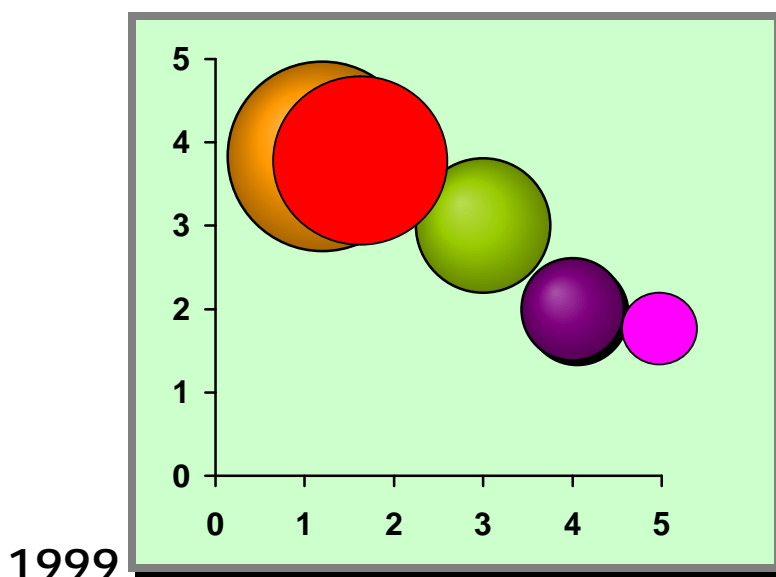
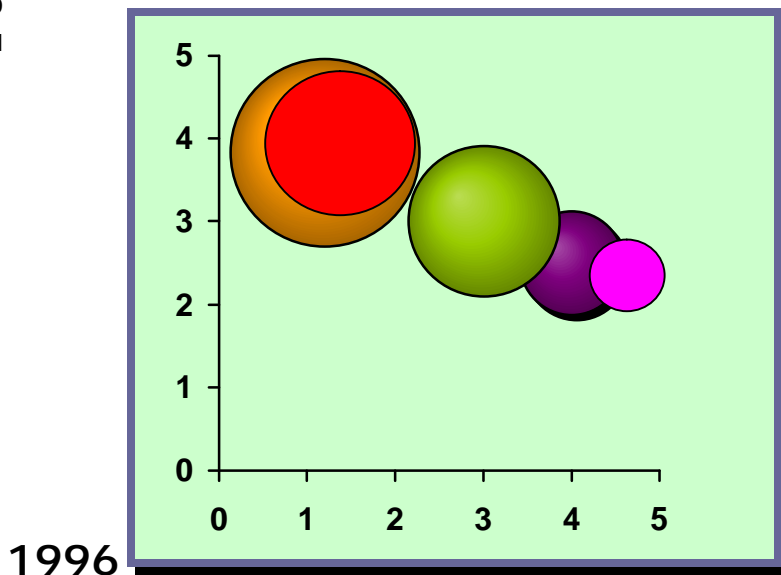
Год	Объём всей выборки	Кластер «промежуточной группы»	Кластер «своих людей»		Кластер «лишних людей»		Дистанция между центральными кластерами (евклидово расстояние)*
			Вся группа	«Ядро»	Вся группа	«Ядро»	
1996	565	33	51	38	16	12	3,67
1999	414	28	56	44	16	10	3,97
2000	479	40	44	26	14	10	3,81

*Евклидово расстояние измерено по совокупности 7 признаков ранжированных шкал (значения указаны в тексте статьи).

Табл. 4 и рисунок дают наглядный ответ на третий вопрос: «лишние люди» продолжают оставаться в академической науке, никуда из неё не уходят и достаточно стабильны в своих ценностных установках. Наука для них – не сфера социальной, профессиональной и личностной самореализации, а сфера получения средств к существованию, не более привлекательная, чем другие сферы общественного производства. Идеальные мотивы выбора науки в качестве области профессиональной деятельности имеют значение, но не определяющее. В этом отношении наука не является для них предпочитаемой сферой. При прочих равных условиях представители «лишних людей» сделали бы выбор не в пользу научной профессии, поскольку определяющими мотивами остаются материальные и рутинные (бытовые или психологические), не связанные непосредственно с профессиональной деятельностью учёного.

Почему же тогда «лишние люди» не уходят из науки? Делая попытку ответить на этот вопрос, мы переходим из области эмпирического анализа в область спекуляций. Выскажу несколько предположений, основанием для которых являются интуитивные соображения, косвенно подкрепленные, правда, данными сравнения двух полярных групп учёных по ряду профессиональных, социальных и психологических признаков (они приведены в [1], а также в другой моей только что опубликованной работе [3]).

Рис. Распределение учёных по социально-профессиональным ценностным установкам в 1996-2000 гг.

Пояснение к рисунку. На основе многомерного статистического анализа в сообществах академических учёных России выделены полярные по социально-профессиональным ценностным установкам группы – «лишние люди» и «свои люди в науке». На рисунке шкала абсцисс – индикаторы негативного отношения к научной деятельности, шкала ординат – индикаторы позитивного отношения. Кружками представлены группы (кластеры) учёных с разным типом отношения к науке. Размер кружков – относительная численность групп. «Свои люди» в науке – кластер учёных с доминированием позитивных мотивов и почти полным отсутствием негативных. «Лишние люди» - полярный кластер учёных с доминированием негативных мотивов и значительным (но не полным) подавлением позитивных. Между ними располагается кластер, объединяющий учёных, для которых характерна умеренная выраженность как позитивных, так и негативных мотивов научной деятельности. Группы, полярные по ценностно-профессиональным установкам, были выявлены во всех исследованных научных сообществах (в Новосибирском, Санкт-Петербургском и Хабаровском научных центрах РАН). Их относительные доли примерно одинаковы и не изменяются в течение всего пятилетнего периода наблюдений: около половины учёных – «свои люди» в науке, приверженные её ценностям, тогда как от 14 % до 16 % учёных по своим внутренним убеждениям считают себя «лишними людьми» в науке, продолжая оставаться в ней. Предполагается, что причины такого поведения «лишних людей» только частично носят вненаучный характер, а в значительной степени связаны с оценками индивидуальных перспектив учёного в околонуучных сферах деятельности (прежде всего в инновационном бизнесе и в системе высшего образования).

Обсуждение

Высказываемые предположения о сохранении «верности» науке «лишними людьми» не по внутренним убеждениям, а исходя из каких-то внешних причин, базируются на тривиальном допущении, что любая деятельность обусловлена потребностью в получении определенного ресурса. Если «лишние люди» не уходят из науки, следовательно, она привлекательна для них наличием каких-то, возможно, скрытых ресурсов, которые могут быть использованы только в случае пребывания человека в этой профессиональной среде. Мы видим, что список обычных ресурсов не является особо привлекательным для «лишних людей» - они ими владеют, но не рассматривают как ценность (например, административный статус и научная степень). Следовательно, существуют другие ресурсы, привлекательные для этих людей, но доступ к которым возможен (или может быть существенно облегчен) только в случае принадлежности человека к профессиональной группе учёных. Различных видов таких ресурсов может быть несколько. Попробуем выделить наиболее вероятные.

Анализ интервью с учёными и ответов на вопросы социологической анкеты позволяют предположить существование по крайней мере двух видов привлекательных и актуальных ресурсов, доступность которых связана с пребыванием в профессиональном сообществе учёных, или наличием формальной и не только формальной связи с ним, которую можно в любой момент продемонстрировать.

Первый из выделенных значимых ресурсов не связан с непосредственной деятельностью учёного и в нынешних условиях не сулит благ для него самого. Но этот ресурс позволяет увеличить потенциал и обеспечить конкурентоспособность его потомков. Я имею в виду сферу высшего образования. Любой из образованных людей, имеющих детей, хорошо понимает, что высшее образование – очень важный ресурс, повышающий будущую «приспособленность» человека, выраженную в доступности к социальным благам его потомков. В России сейчас бесплатное высшее образование – один из немногих ресурсов, не требующих значительных усилий, в том числе финансовых. И эти усилия

уменьшаются, а то и вообще не необходимы, если человек сам имеет доступ к ним и способен обеспечить его своим детям или внукам. Ценность высшего образования в стране, после провала 1993-95 гг., становится очень высокой. Соответственно возрастает и его стоимость. Академические ученые, силу исторических причин имеют в среднем более высокий профессиональный уровень по сравнению с вузовскими учёными и нередко более конкурентоспособны и на поприще преподавательской деятельности, чем вузовские преподаватели. Но работать в вузе на штатной должности далеко не всегда выгодно в финансовом отношении, к тому же эта деятельность в гораздо большей степени связывает человека в свободе его деятельности, нежели научная деятельность. Пока в нашей стране престижнее оставаться академическим ученым и быть профессором или доцентом в вузе, чем просто быть штатным преподавателем этого вуза. А по доступности образовательного ресурса для детей и внуков штатная должность не слишком уж превосходит нештатную. В большинстве ведущих вузов академические ученые, работающие там преподавателями по совместительству, имеют те же льготы при бесплатном или платном обучении детей, что и штатные преподаватели. Последние даже находятся в менее выгодном положении, если учесть такое, например, обстоятельство, что успешный академический учёный, приходя в вуз, начинает формировать из своих студентов и аспирантов «научную школу», опираясь на уже полученные результаты. Вузовский преподаватель-учёный при существующем уровне учебной нагрузки просто не имеет времени для получения таких результатов. Косвенным подтверждением вывода о перспективной ценности образовательного ресурса для академических учёных, и в том числе для «лишних людей», являются результаты опроса учёных об отношении к профессиональной научной деятельности для их потомков. Данные табл. 5 показывают, что в новосибирском академическом сообществе всего за 3 года произошли существенные изменения в отношении людей к научному образованию своих детей и внуков. Как в группе «своих людей», так и среди «лишних людей» наблюдаются позитивные (для науки) тенденции. И хотя в последнем случае сила этих тенденций в два раза слабее, тем не менее, она значительная.

Таблица 5

Структура и динамика в 1996-1999 гг. распределения ответов (в %) респондентов из группы «лишних» и «своих людей» на вопрос «Желаете ли Вы, чтобы Ваши дети пошли в науку?»

Вариант ответа	«Свои люди»		«Лишние люди»	
	1996	1999	1996	1999
«Да»				
«Скорее да, чем нет»	58	72	37	43
«Нет»				
«Скорее нет, чем да»	42	28	63	57

Второй значимый ресурс – облегчение возможности участвовать в инновационном наукоёмком бизнесе. Он тесно связан множеством связей как со структурными подразделениями институтов, так и с научными коллективами лабораторий [4]. Человек, которого не привлекает уже научный поиск, но который продолжает оставаться в научном коллективе, имеет гораздо больше шансов найти или быть привлечённым к производственной или коммерческой деятельности инновационной фирмы, располагающейся на территории лаборатории или института, чем человек, ушедший из науки в другую профессиональную деятельность. Нельзя упускать из виду и тот факт, что сотрудники многих инновационных фирм уже скоро десятилетие продолжают числиться и сотрудниками института, давно не занимаясь наукой. При этом в процессе

социологического опроса они могут оказаться в выборке, поскольку представлены в штатном расписании.

Если первый вид ресурсов сравнительно более значим для учёных-гуманитариев и обществоведов, то второй – для естествоиспытателей, математиков, «технарей». Но не только эти два вида ресурсов, а и какие-то другие могут одновременно использоваться «лишними людьми» для достижения целей вне своей профессиональной деятельности. Академическая наука, по-видимому, ещё продолжает оставаться привлекательным источником социально значимых ресурсов.

Благодарности

Данная работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда (грант № 01-03-00152) и Президиума СО РАН (интеграционный проект № 38). Я благодарен всем моим коллегам, совместно с которыми были разработаны научные программы и проведены эмпирические исследования в 1996-2000 гг. они осуществлялись при финансовой поддержке в разные годы мэрии г. Новосибирска, Президиума СО РАН, РГНФ (№ 97-03-04411), ИНТАС-РФФИ (№ ИР-97-2043).

Библиография и примечания

1. Плюснин Ю.М. Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического расследования // Наукоеведение, М., 1999. - № 1. - С. 7 – 19.
2. В исследованиях 1996-2000 гг. в Новосибирском научном центре постоянно принимали участие, помимо автора, А.А. Гордиенко, С.Н. Ерёмин и А.М. Аблажей. В социологическом опросе 2000 г. по гранту ИНТАС-РФФИ участвовала группа исследователей из 15 человек; руководителями Санкт-Петербургской группы выступили проф. С.А. Кугель и чл.-корр. РАН Э.И. Колчинский, а Хабаровской – акад. РАН В.И. Бузник.
3. Плюснин Ю.М. Внутринаучные (социально-психологические) факторы трансформации академической науки // Реформирование науки и высшей школы в России и Восточной Германии: сопоставление. – СПб, 2001.
4. Гордиенко А.А., Ерёмин С.Н., Плюснин Ю.М. Малый инновационный бизнес в новосибирском Академгородке (по материалам мониторинга Новосибирского научного центра). – Новосибирск: ЦСА, 1998. – 52 с.

Аннотация

Выделенные на основе методов многомерного анализа полярные по социально-профессиональным ценностным установкам группы академических учёных – «лишние люди» и «свои люди в науке» – сравнивались в выборках трёх социологических исследований, проведенных в период 1996-2000 г. в сообществах Новосибирского, а также Санкт-Петербургского и Хабаровского научных центров. Показано, что полярные по ценностным установкам группы существуют во всех академических сообществах, их относительные доли примерно одинаковы и не слишком изменяются в течение всего пятилетнего периода наблюдений. Около половины академических учёных – «свои люди» в науке, приверженные ценностям науки как социального института и ценностям профессиональной деятельности. От 14 % до 16 % академических учёных по своим внутренним убеждениям считают себя «лишними людьми» в науке, но остаются в ней, несмотря на неблагоприятную оценку профессионального положения. Предполагается, что причины такого поведения только частично носят вненаучный характер, но в значительной степени связаны с оценками индивидуальных перспектив учёного в околонаучных сферах деятельности (прежде всего в инновационном бизнесе и в системе высшего образования).